

В приведенном фрагменте кроется ключ к пониманию полемического задания всего сумароковского сочинения в целом. Кто эти «новомодные невежи», наслышавшиеся от чужестранцев басен и глупостей о России, ими же самими сочиненными и сообщенными? Кто эти «сумасбродные толкователи» о «превращении» (т. е. «метаморфозисе») России, чудесно изменившем облик варварской страны? Сумароков ополчается фактически против общепринятых формул, в которых оценивались итоги петровских преобразований и которые буквально наполняли публицистику и оды XVIII в., не исключая прежние сочинения и его самого.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратить внимание еще на некоторые аспекты содержания сумароковского сочинения. Я имею в виду прежде всего неоднократные апелляции Сумарокова по ходу повествования к римской истории. Уже в самом начале очерка сообщение о смерти Федора Алексеевича сопровождается введением реалий древнеримской истории: «...по услышании ево кончины была Москва в таком горестном состоянии, как Рим по смерти Титовой. Рыдала Москва и вся потом Россия омывалась слезами».²⁷

Вновь римский мотив возникает в авторском комментарии, сопровождающем рассказ о принятии присяги на верность Петру, когда часть стрельцов не согласилась с избранием юного царя: «...так кажется мне, что самая лучшая присяга есть любовь к отечеству и честность; потому что она присяга никогда не нарушается: тако клялся Катон и многия римляня в верности своему отечеству».²⁸ Пока уподобление отдельных событий фактам римской истории не содержит чего-либо обнаруживающего пристрастия автора, хотя второе сравнение уже заключает скрытое противопоставление, поскольку комментарий следует за фактом отказа от присяги части стрельцов. Но вот после описания нарастания анархии в рядах стрельцов, создавшей предпосылки для прямого бунта, полемическая установка использования подобных уподоблений обнаруживает себя со всей очевидностью. Отметив рост пьянства и своевольства стрельцов, Сумароков восклицает: «Вот какова была наша чернь ко стыду нашему! Римская чернь никогда против Рима не бунтовала, а московская против Москвы вооружалась, чего дворяня никогда не делали».²⁹

Показательно, что именно это место вызвало резкое возражение со стороны Ф. Эмина, который в Предисловии к III тому своей «Российской истории...» уличил Сумарокова в недостаточном знании римской истории. «Не часто же сей автор читывал римскую историю. А кто ее читал, тот знает, что подобных сему бунту римлян было множество. Оных я

²⁷ Там же С. 191

²⁸ Там же С. 192

²⁹ Там же С. 197